

Несмотря на внушительное количество охраны, чужаков не обыскивали и впустили в шатер с оружием. Правда, транспорт пришлось оставить на совесть бедуинов, что сильно нервировало пустынных.

Внутри, как и ожидал Хаджар, царила атмосфера неги и расслабленности. На подушках лежали полуобнаженные молодые девушки. Укрытые шелковыми, прозрачными нарядами, они раскуривали трубки, затем передавая и мужчинам.

Кожа бедуинов слегка отличалась по цвету от пустынных. Она была темнее, грубее и зачастую испещрена длинными, широкими морщинами. Сами мужчины все, как один, с палашами и саблями за поясами.

Большинство испускали ауру практикующих стадии Трансформации. И, благодаря такой неприкрытой демонстрации силы довольно легко было определить их лидера. Тот сидел вовсе не в центре, а где-то сбоку.

По каждую руку от него сидело по знойной красавице. Каждая из них могла легко дать фору той же Ильмене. Вышитый золотом тюрбан закреплял изогнутый, серебряный кинжальчик. Дорогой кафтан веером раскинулся по земле, но за поясом покоилось настоящее, боевое оружие безо всяких изысков на рукояти.

Но даже не это выдавало в нем вождя племени бедуинов, а аура истинного адепта. Скорее всего – начальная стадия, но может и выше. У Хаджара еще пока не было шанса научиться разбираться в аурах истинных адептов.

Вперед вышел Хадар. В руках он держал небольшой сундучок из красного дерева.

Низко поклонившись, он произнес что-то на грубоватом языке, отдаленно похожем на пустынный. Хаджар свободно владел местным языком, но вот в вопросе наречий рассчитывал полагаться на нейросеть.

Вождь племени лениво взмахнул рукой. С подушек поднялись двое крепких воинов и приняли сундук. Некоторое время он молчаливо его рассматривали. По слегка затуманенным взглядам Хаджар понял, что не он первый догадался использовать медитацию, чтобы вглядываться в токи энергии.

Убедившись в том, что подношение не представляет опасности, сундук передали вождю. Тот даже не стал его открывать. Просто поставил рядом с собой и взмахнул рукой еще раз. На этот раз жест предназначался Хадару.

Глава разведчиков поклонился и уселся на подушки рядом с вождем.

Они начали неспешный диалог.

- Ты понимаешь их наречие? – шепнул Хаджар Ильмене.

Девушка покосилась в сторону Хаджара и кивнула.

- Они обсуждают условия прохода нашего каравана, - начала переводить Ильмена. – Хадар

предлагает десять молодых верблюдов, сорок литров воды и золото.

Вождь задумчиво почесывал острую, густую бороду. Очередным взмахом руки он подозвал к себе одного из мужчин. Некоторое время они о чем-то шептались.

Наконец, он ответил и, учитывая как изменился в лице Хадар, перевод не требовался.

- Вождь не согласен, - шептала Ильмена. – он говорит, что в этом сезоне у них достаточно и воды и верблюдов. А золото бедуины не ценят.

Надо же – народ, которому не требуются деньги. Хотя, если подумать, это легко объяснить. Бедуины народ кочевой. Лишь в конце сезона они возвращаются к Мертвым Горам. Зачем им таскать по пустыне блестящий металл.

Все что им нужно – они либо производят сами, либо завоевывают. Ну или грабят – если спросить караванщиков.

Хадар оказался готов к такому повороту событий. Теперь уже он сам взмахом руки подозвал одного из членов отряда. Они пошептались. Хаджар старался вчитываться в движения губ, но не так уж просто было “читать” чужой язык, на котором говоришь от силы несколько месяцев.

Вскоре разведчик кивнул и вышел. Какое-то время в шатре висела блаженная тишина. Хаджара с остальными усадили на подушки. К мужчинам тут же прижались стройный, смуглокожие красавицы.

Кто-то протянул деревянную трубку. От неё вилась плетеная трубка, приставленная к стеклянному кувшину, где пузырилась белесая жидкость и клубились пары дыма.

Хаджар отказался от кальяна. Он слышал о том, что у бедуинов там обычно не табак, а легкий наркотик. А в данный момент больше требовалась ясная голова, нежели легкая.

Остальные, даже Эйнен, оказались не против. Хотя, как вскоре заметил Хаджар, островитянин лишь делал вид, что дымит. На самом же деле он тоже не позволял своему разуму утонуть в дурмане.

Вождь и Хадар о чем-то спокойно болтали. Ильмена даже и не думала переводить, а значит ничего серьезного там не было.

Если, конечно, доверять Ильмене.

Внезапно Хаджар понял, что у него разболелась голова. Он никогда не любил интриг и хитросплетений чужих планов. Сам привык действовать быстро и дерзко, с боем вырывая из лап судьбы то, что считал своим по праву. Сейчас же Хаджар буквально всем своим “я” ощущал свою беспомощность.

Мерзкое, неприятное чувство.

Хаджар посмотрел на меч, лежащий у него на коленях.

Если бы он был сильнее, смог бы он вновь идти вперед с прямой головой?

Когда в шатер вернулся разведчик, Эйнен предупреждающе положил руку на плечо Хаджару. Подчиненный Хадара держал в руках металлическую цепь. Поводок, за которым плелись семеро человек. На каждом по рабскому ошейнику.

Четверо мужчин и трое девушек.

Процессию замыкал Сулар. Теперь стало ясно, почему его отослали. Вернее - за кем.

- Хадар предлагает вождю этих рабов в обмен на проход каравана, - перевела Ильмена.

Девушка с небольшой тревогой вглядывалась в холодные, почти синие глаза Хаджара. Тот держал себя в руках. Его меч пока еще был слишком слаб, чтобы разрубать на своем пути любые цепи.

Он не мог решать даже собственную судьбу. Как бы он смог помочь этим людям.

Вождь вновь скомандовал своим людям. На этот раз с подушек поднялся не только мужчина, но и единственная женщина. Единственная в том плане, что она была полностью одета и ни за кем не ухаживала.

Её лицо пересекал широкий шрам, а вместо правого глаза - повязка, вышитая жемчугом и чем-то еще. Это показывало высокий статус воительницы, та как жемчуг в пустыне был крайне редким материалом.

Мужчина бедуин подошел к четверке парней. Каждого он пощупал за плечи, осмотрел зубы, а затем слегка порезал щеки и попробовал кровь на вкус. Одному он кивнул, а трех сразу забраковал мощным тычком в живот.

Рабы сгибались, хрипели, падали на песок, но никому до этого не было дела.

Женщина же резкими движениями срывала то немного, что заменяло рабыням одежду. Она внимательно разглядывала их волосы и зубы. Щупала груди, а потом скользила ладонью между ягодицами, закапываясь пальцами в волосы чуть ниже пояса.

Девушкам, на первый взгляд, не было и семнадцати весен. Они краснели, еле сдерживали слезы и кое-как пытались прикрыть свою наготу. Две из них прошли проверку бедуинки, третья же получила плевков в лицо.

- Вождь не берет в гарем нечистых девушек, - пояснила Ильмена. Она тоже воспринимала происходящее вполне естественно. Ни тени эмоций от женской солидарности не промелькнуло на её лице. - две девственница, а третью, если и возьмут, отдадут на общие утехы. А те трое - они слишком слабые. Не выдержат.

Какое-то время вождь продолжал общаться с Хадаром. Они явно жарко торговались. Хаджар же не мог отвести взгляда от ошейников. У него почему-то заболела шея. Зачесалось то место, где некогда и его самого обжигала рабская печать.

Наверное, если бы не собственный опять десятилетней жизни в роли раба, Хаджар бы и сам не обращал внимания на происходящее. Но каждый тычок, каждый плевков в рабов, он ощущал как на самом себе.

Рука сама собой легла на рукоять клинка...

В этот самый миг прозвучало протяжное мяуканье и из тюрбана Хаджара, привлекая всеобщее внимание, выпрыгнула Азрея. Она приземлилась на колени своему двуногому товарищу и заглянула тому в глаза.

Дыхание Хаджара выровнялось. Пальцы, едва ли не со скрипом, разжались и выпустили рукоять.

Еще не время...

- Чехары, - выругалась Ильмена.

Хаджар очнулся и увидел, как вождь бедуинов стоит на ногах и тычет пальцем в сторону Азреи. Нетрудно было догадаться, что только что он попросил в обмен на проход каравана.

- Сильно ли ты дорожишь своим питомцем, Северянин? - спросил Хадар.

<http://tl.rulate.ru/book/6918/219400>